

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2-96

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ТЕКСТА ДЛЯ ЗАНЯТИЙ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В СЛОВАЦКОЙ АУДИТОРИИ¹

Е.С. Рудыкина

В статье рассматривается, как региональный компонент образовательного учебного плана может помочь в развитии компетенций словацких студентов, изучающих русский язык как иностранный на продвинутом уровне обучения.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, региональный компонент, продвинутый этап обучения.

В современных геополитических условиях в Словацкой Республике отмечается повышение интереса студентов к изучению русского языка, о чем свидетельствует и наш опыт работы в университете им. Константина Философа г. Нитры (западная Словакия). При поступлении в словацкие высшие учебные заведения абитуриенты в качестве вступительного испытания сдают экзамен по иностранному языку (в зависимости от программы). Для овладения любым иностранным языком студентами-нефилологами в вузах Словакии выделяется 2 часа в неделю; при этом иностранный язык (в том числе русский) изучается от 4 до 6 семестров. На некоторых факультетах, например, на факультете менеджмента университета им. Я.А. Коменского в Братиславе английский язык является обязательным; остальные языки (испанский, немецкий, русский, французский) изучаются по выбору студента [7].

Для обучения студентов-филологов (будущих преподавателей русского языка как неродного, переводчиков) выделяется большее количество часов на овладение русским языком и изучение специальных дисциплин. Так, в университете им. Константина Философа в Нитре на занятиях по развитию речи в первом семестре отводится 4 часа в неделю. Студенты начального этапа обучения русскому языку в течение первого семестра должны выучить алфавит, уметь писать, читать и поддерживать коммуникацию на бытовые темы («Семья», «Учеба – университет, факультет», «Мой рабочий день», «Свободное время», «Интересы»). Особое внимание преподаватель обращает на явления интерференции в русском и словацком языках. Во втором семестре студенты знакомятся с формулами речевого этикета, расширяют свой словарный запас при изучении тем «Телефонный разговор», «Личная и деловая переписка», «В гостинице», «В ресторане», «У врача», «Покупки». Кроме того, на занятиях рассматриваются образовательная система в России и Словакии, культура питания и особенности

русской национальной кухни, традиции и обычаи русского народа. В качестве иллюстративного языкового материала привлекаются русские фразеологизмы, представляющие трудность в словацкой аудитории. К концу третьего семестра, как правило, студенты могут вести дискуссию, аргументировать свои точки зрения и обмениваться мнениями по заданным преподавателем темам. Параллельно базовому курсу коллегами из кафедры русского языка читаются лекции и проводятся семинарские занятия по специальным дисциплинам («Фонетика», «Лексикология», «Морфология» и др.). Студентам пятого года обучения предлагается курс «Лингвистический анализ текста», в процессе изучения которого студенты знакомятся с различными текстами, способствующими формированию коммуникативной, страноведческой и лингвокультурной компетенций обучающихся.

Критериями отбора учебных материалов для таких занятий могут быть следующие: 1) текст должен быть доступным для иностранных студентов, соответствовать их уровню владения русским языком; 2) он не должен превышать объема, рекомендуемого для учащихся данного уровня обучения государственными образовательными стандартами РФ по русскому языку как иностранному; 3) автор произведения должен быть известным мастером художественного слова; 4) работа с конкретным художественным текстом на занятии должна не только расширить словарный запас инфонем, но и позволить осмыслить новые грамматические явления при постижении понимания содержания текста, его смысла, идеи произведения; 5) текст должен содержать страноведческую информацию, которая предполагает усвоение знаний по нескольким страноведческим темам; 6) при выборе текста необходимо учитывать региональный компонент, систематическое и последовательное включение которого в учебный процесс раскрывает своеобразие речевой культуры жителей различных областей России.

Студенты продвинутого этапа обучения познакомились на занятиях с сочинениями Ф.Д. Крюкова, Е.А. Кулькина, Б.П. Екимова и других писателей о жизни и быте жителей юга России. Особый интерес словацких студентов был связан с изучением литературно-

го наследия М.А. Шолохова, его произведений о непростых судьбах донских казаков, необходимости сделать нравственный выбор в трагических обстоятельствах и стремлении остаться при этом человеком, что обусловлено желанием больше узнать об истории России, познакомиться с самобытным языком казачества (см. об опыте работы на занятиях по русскому языку как иностранному с произведениями М.А. Шолохова: [3; 6]). Студенты-филологи хорошо знают по словацким переводам тексты романов М.А. Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Отдельного рассмотрения требуют донские рассказы, написанные с 1924 по 1927 г., в которых автор стремился описать события Гражданской войны на Дону.

Для комментированного чтения на занятии может быть предложен рассказ «Родинка» из цикла «Донских рассказов», в которых автор стремился описать противоборство между «отцами» и «детьми», красными и белыми [8]. В центре избранного произведения – повествование о трагической судьбе казачьей семьи, в которой сын и отец оказались по разные стороны революции, что закончилось поединком восемнадцатилетнего командира эскадрона Николая Кошевого и его отца, бравого казака-атамана, узнавшего только по родинке, что он убил своего собственного сына.

В процессе комментированного чтения языковые единицы характеризуются комплексно на фонетическом, словообразовательном, лексическом, грамматическом уровнях с учетом особенностей их функционирования в избранных текстах, что способствует усвоению специфики системно-парадигматических и синтагматических связей элементов разных уровней, взаимодействующих на семантической основе (см. об этом: [5]). Преподаватель обращает внимание на представленность различных пластов лексики русского языка, стилистическую характеристику слов, их значение и эмоциональную окраску. Стиль автора почти целиком движется в сфере литературной речи, для создания речевой характеристики казаков употребляются разговорная лексика, просторечия, донские диалектизмы (см. об этом: [4]).

Сложность в иностранной аудитории вызывает безэквивалентная лексика, с нацио-

нально-культурным компонентом значения [2]. Так, читая текст рассказа, студенты могут познакомиться со словами, связанными с обозначением традиционных форм казачьей жизни. Например, имена существительные *станица* в значении «большое казачье селение» (ТСЯ, 762)² и *хутор* в значении «в южных областях: крестьянский поселок, селение» (ТСЯ, 871) стали достоянием литературного языка. С указанной семантикой рассматриваемые языковые единицы используются в рассказе при описании военных действий: *Нарочный приехал из станицы* (с. 204); *По надобностям в хутор иду* (с. 208). Преподавателю необходимо пояснить, что первоначально слово *станица* не обозначало населенный пункт; оно называло объединение казаков: семей, родов или племен. И до сих пор казаки, занесенные в недобрые времена далеко от родных мест, свои землячества, возникшие в местах нетрадиционного проживания, именуют станицами. Так, известны Пражская, Монреальская, несколько парагвайских и австралийских станиц, станицы в Болгарии, Аргентине и Бразилии, Канаде [1]. Слово *хутор* известно во всех населенных пунктах бывшей области Войска Донского в значении «село, деревня; обычно с казачьим населением» (ДС, 366). Станица была традиционно больше хутора по территории и численности населения, ведь издавна казаки получали земельные наделы далеко от станиц, переселялись в хутора. Кроме того, жительница хутора Озёрки Иловлинского района Волгоградской области Горбачева Евдокия Федоровна, 1915 года рождения, пояснила нам, что в станице обязательно должна быть церковь. Если же церковь по каким-либо причинам была разрушена, то станица переименовывалась в хутор. Так, например, и произошло со станицей Каргинской Иловлинского района, которая была переименована в хутор Стародонской. В станице, по словам казачки, был обязательно станичный атаман, которому подчинялись все хуторские атаманы. Правда, если хутор был старше станицы, то станичный атаман приезжал к хуторскому с поклоном. Проведенный анализ позволяет составить синонимический ряд, в котором представлены литературные слова *деревня, поселок, селение, село, станица, хутор*.

Большой интерес в иностранной аудитории вызывает употребление общерусской лексики природы, характеризующей ландшафт Волгоградской области, которая является фоном для разворачивающихся в рассказе трагических событий: *Бегут столбы в мусть осеннюю, белесую, через лога и балки перешагивают...* (с. 205); *Хата, где квартирует Николка, стоит на яру над Доном* (с. 204). Обращение к диалектным словарям позволяет уточнить семантику имени существительного *балка*, использующегося в значении «пологий овраг, поросший травой, кустарниками и т. п., сухой или с ручьем» (СДК, 34); слова *лог*, толкуемого как «лощина, длинная балка с отлогими краями» (ДС, 177), а также лексемы *яр*, отмеченной в значении «глубокий овраг» (СДК, 604). Таким образом, иностранные стажеры легко могут охарактеризовать происхождение наименований населенных мест Волгоградской области (например, рабочий поселок Лог Волгоградской области, Дубовая балка в Волгограде).

Обширный пласт общерусской лексики используется М.А. Шолоховым при характеристике материальной культуры жителей казачьих станиц. В частности, так автор подчеркивает долгое отсутствие атамана на Родине: *Семь лет не видал атамана родных куреней* (с. 206). Как свидетельствуют данные исторических словарей, многозначное слово *курень*, служащее как для наименования казачьего военного поселения, станицы, так и для обозначения жилой и промысловой постройки, было известно в русском литературном языке с XVII века (СРЯ, 8, 137). В говорах слово *курень* может обозначать шалаш, легкую постройку, землянку, постройку над погребом, баню, дом, хату, избу, кухню, пекарню, булочную, комплекс усадебных построек под одной крышей, усадьбу, деревню, хлеб, пекшийся для бурлаков, пирожок с начинкой (капустой, мясом) (СРНГ, 16, 120). В рассказе имя существительное *курень* зафиксировано в значении, характерном для донских говоров «любой дом в станице или на хуторе» (СДК, 252).

Думается, в процессе анализа художественного текста преподаватель может обращаться к магнитофонным записям устной речи казаков – коренных жителей казачьих

хуторов и станиц, воспоминания которых, несомненно, обогатят знания студентов о материальной и духовной культуре жителей юга России. Например, Антюфеева Прасковья Константиновна, 1931 года рождения, жительница города Калача-на-Дону поясняет: *Кур'ен', казач'иј кур'ен'.* Н'и дом (ран'шы дом н'и звал'и) – кур'ен' и хата. Далее казачка определяла отличительные признаки хаты: *Хата – эта в два окна.* В казачьем доме, как вспоминала Прасковья Константиновна Антюфеева, *н'е была многа камнат'еј, па дв'е комнаты у казакоф была.* Самым чистым, парадным помещением, в котором принимали гостей, была *горница*. Для обозначения верхней части строения жилого помещения слово *горница* было известно с XV в. (СРЯ, 4, 88). В современном русском литературном языке это значение является устаревшим, как областное характеризуется значение «чистая половина крестьянской избы» (ТСЯ, 139). В рассказе читаем: *Прочитал Николка, что председатель просит его выступить с эскадром на подмогу, и в горницу пошел...* (с. 205). В приведенном предложении рассматриваемое слово используется в характерном для донских говоров значении «лучшая, парадная комната в казачьем доме, зал» (СДВГ, 1, 379).

Особое место в горнице, поясняет преподаватель, отводилось красному, переднему или святому углу, который считался самым почетным в жилище у казаков. Во внутренней структуре дома он играл роль центра: здесь обычно стояли почитаемые казаками иконы, хранилась Библия, фотографии умерших родственников; туда сажали жениха с невестой, головой к переднему углу клали умершего, сберегали пуповину и сорочку новорожденного. Так, в рассказе описываются действия старика Лукича, пришедшего жаловаться на банду атамана: *Лукич чихнул от табачного дыма, шапку снял и торопливо перекрестился на передний угол* (с. 209). Другой, не менее значимой комнатой, была *стряпка* – «кухня в доме» (СДК, 515). Мать командира эскадрона Николая Кошевого большую часть времени проводила в *стряпке*; нежное, отцовское отношение, оставшееся в памяти далеким воспоминанием о детстве, подчеркивается в тексте с помощью просто-

речного обращения *сынок* с суффиксом уменьшительно-ласкательного значения: *За гриву держись, сынок! – кричал он* (отец), *а мать из дверей стряпки улыбалась Николке, бледная, и глазами широко раскрытыми глядела на ножонки, окарачившие острую хребтину коня, и на отца, державшего повод* (с. 203–204).

Описание повседневной жизни казачьих хуторов и станиц в рассказе связано с характеристикой хозяйственной деятельности казаков. Так, нужным и важным в каждой казачьей станице, каждом хуторе было *гумно* – «то же, что ток. Место, где молотят хлеб» (ДС, 73). Однако во время Гражданской войны, как свидетельствует рассказ, жизнь замерла: *По летнику сено возили когда-то к гумнам, застывшим в степи янтарными брызгами...* (с. 205). В процессе анализа необходимо обратить внимание на семантику диалектного имени существительного *летник*, которое толкуется как «летняя малоезженная дорога в степи» (СДК, 262).

Неповторимый колорит казачьей речи придают глаголы (например, *дотюпать* – «добрести, дойти с трудом» (СДК, 139); имена прилагательные (например, *болезный* – «милий, дорогой, родной» (СДК, 50), наречия, характерные для донских говоров (например, *нехай* – «пусть» (СДК, 321)). Использование диалектной лексики связано с интенцией писателя – познакомить читателя с донским казачеством, своеобразными характерами казаков, их культурой и самобытными традициями.

Отдельного внимания требует использование в рассказе эмотивов-обращений, возникших в результате вторичной номинации, путем метафорического переноса. Так, в конце рассказа мы видим обозленного жизнью атамана, который кричит: *Щенок белогубый! ...Махай, махай, я тебе намахаю!..* (с. 210). Метафорическое употребление имени существительного *щенок* в значении «несовершеннолетний, молокосос, мальчишка» (ТСРЯ, IV, 1386) подчеркивает стремление атамана унижить молодого командира, подчеркнуть его возраст и неопытность.

Как свидетельствует опыт проведения занятий в словацкой аудитории с привлечением текстов региональной тематики, комментированное чтение с использованием различ-

ных видов работы позволяет показать студентам продвинутого этапа обучения взаимодействие литературного языка и различных пластов диалектной речи, сформировать представление о богатстве и выразительности русского языка, его стилистических ресурсах, прикоснуться к народной речевой культуре донского казачества как особой этнической группы россиян.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России (2009–2013 гг.)», госконтракт 02.740.11.0367.

² В статье используются следующие словари: ДС – Миртов, А. В. Донской словарь / А. В. Миртов. – Волгоград, 2006; СДК – Большой толковый словарь донского казачества. – М., 2003; СДВГ – Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшовой. – Вып. 1. – Волгоград, 2006; СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 16. – Ленинград, 1980; СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 4. – М., 1977; Вып. 8. – М., 1981; ТСРЯ – Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1996; ТСЯ – Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М., 1997.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Городок, станица, хутор... // Казаки / под ред. Б. А. Алмазова. – СПб., 1999. – С. 36–37.

2. Рудыкина, Е. С. Роль лексики с национально-культурным компонентом значения в процессе преподавания русского языка как иностранного / Е. С. Рудыкина // *Studia Rossica Poznaniensia*. Vol. XXXII: 2005. – Poznań : Adam Mickiewicz University Press, 2005. – P. 217–223.

3. Рудыкина, Е. С. Комментированное чтение художественного текста на занятии по русскому языку как иностранному / Е. С. Рудыкина // *Мир русского слова и русское слово в мире : материалы IX Конгр. Междунар. ассоц. преп. рус. яз. и лит.* Варна, 17–23 сент. 2007 г. – София, 2007. – С. 140–144.

4. Рудыкина, Е. С. Рассказы М.А. Шолохова как источник для изучения языка донского казачества / Е. С. Рудыкина // *Cuadernos de Russtika Espatola № 4*. – Granada : Universidad de Granada, 2008. – P. 69–76.

5. Тупикова, Н. А. Функционально-семантический подход к изучению грамматических единиц в иностранной аудитории / Н. А. Тупикова // *Проблемы обучения иностранных граждан на современном этапе: лингвистические и методические*. – Волгоград, 2000. – С. 178–179.

6. Шарфави, Э. Творчество М.А. Шолохова в Словакии : материал к спецкурсу для студентов филол. и ист. фак. / Э. Шарфави. – Самара, 2003. – 81 с.

7. Шарфави, Э. Русский язык в новых экономических условиях Словакии / Э. Шарфави, Л. Шапошникова // *Русский язык: исторические судьбы и современность : труды и материалы*. – М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007. – С. 751–752.

8. Шолохов, М. А. Родинка / М. А. Шолохов // *Собрание сочинений*. В 8 т. Т. 7 : Они сражались за Родину. Главы из романа; Рассказы. – М., 1986. – С. 203–211.

**TEXT SELEKTION PROBLEM
IN RUSSIAN LANGUAGE CLASSES IN SLOVAKIA**

E.S. Rudykina

The article looks upon the issues how the regional component of academic curriculum helps develop personal competency of the Slovak students learning the Russian language at advanced level.

Key words: *Russian as the foreign language, regional component, the advanced grade level.*